

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.015
УДК 94(470.326)“1917/1922” +
+ 94(470)“1917/1922” + 329.15(09) +
+ 355.1:94(470) + 334.713(470.326)

В. В. Канищев
Г. С. Махрачев

*Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина*
Тамбов, Россия

СОВЕТСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Исследование посвящено проблеме мобилизации советской властью мелких производителей для решения государственных задач в кризисный период Гражданской войны. В статье выявляется порядок реализации государственных заказов. На первых этапах существования советского государства вопросы кустарного производства находились в ведении Высшего совета народного хозяйства и Народного комиссариата земледелия, их местных отделов. Недостаточную организованность работы этих органов усугубляло стремление местных органов управления привлечь кустарей для решения собственных задач. Никаким образом не контролировались объемы предоставлявшихся заказов и финансирования, что вело к появлению лжекооперативов, чрезмерной эксплуатации мастеров, завышению цен на готовые изделия. Пытаясь урегулировать процесс привлечения кустарей к выполнению государственных заказов, советское правительство несколько раз трансформировало структуры, заведовавшие этими вопросами. На практике это вело к еще большей дезорганизации, тем более что местные власти не поспевали за огромным количеством новых указов, исходивших из центра. Положение усугубляли перебои при предоставлении мастерам сырья, орудий производства и финансирования. В итоге для победы в Гражданской войне советское правительство приняло радикальное решение перейти к прямой мобилизации кустарей, которые в условиях полного экономического упадка были готовы на работу на любых условиях. В результате к концу «военного коммунизма» наибольшее распространение получили именно те виды мелкого производства, которые были связаны с военными нуждами.

К л ю ч е в ы е с л о в а: крестьяне; Гражданская война; «военный коммунизм»; Красная армия; кустарные промыслы; кооперация; Тамбовская губерния

Ц и т и р о в а н и е: *Канищев В. В., Махрачев Г. С.* Советская мобилизация кустарной промышленности в годы Гражданской войны (на материалах Тамбовской губернии) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 237–250. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.015>

Поступила в редакцию: 15.02.2024
Принята к печати: 28.01.2025

Valery V. Kanishchev
Georgiy S. Makhrachev

*Tambov State University
named after G. R. Derzhavin
Tambov, Russia*

**SOVIET MOBILISATION OF HANDICRAFT INDUSTRY
DURING THE CIVIL WAR
(BASED ON THE MATERIALS OF TAMBOV PROVINCE)**

This study is devoted to the mobilisation of small producers by the Soviet authorities to solve state tasks in a crisis period of history, during the years of the civil war. The article reveals the implementation of state orders. During the first stages of the Soviet state, the issues of handicraft production fell under the jurisdiction of the Supreme Council of National Economy and the People's Commissariat for Agriculture, and more particularly, their local departments. The unsatisfactorily organised work of these agencies was aggravated by the desire of local governments to attract craftsmen to solve their own problems. There was no control over the volume of orders and budgets, which led to the emergence of false cooperatives, exploitation of craftsmen, and inflated prices for final products. The Soviet government attempted to regulate the process of engaging craftsmen in the fulfilment of state orders by transforming the structures in charge of these issues several times. In practice, this led to an even greater disorganisation. Moreover, local authorities could not keep up with the huge number of new decrees coming from the top. The situation was made worse by irregularities in the provision of materials, tools, and financing to craftsmen. As a result, in order to win the civil war, the Soviet government made a radical decision to move to the direct mobilisation of artisans who, in a situation of complete economic decline, were ready to work in any conditions. As a result, by the end of "war communism" the most widespread types of small-scale production were those related to military needs.

Key words: peasants; civil war; "military communism", Red Army; handicrafts; cooperation; Tambov Province

For citation: Kanishchev, V. V., & Makhrachev, G. S. (2025). Sovetskaia mobilizatsiia kustarnoi promyshlennosti v gody Grazhdanskoi voiny (na materialakh Tambovskoi gubernii) [Soviet Mobilisation of Handicraft Industry during the Civil War (Based on the Materials of Tambov Province)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 237–250. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.015>

Submitted: 15.02.2024

Accepted: 28.01.2025

Гражданская война потребовала от большевистской партии экстраординарных усилий, мобилизовавших все сферы экономики ради снабжения Красной армии. Не стала исключением и мелкая, кустарная промышленность. В отечественной историографии до настоящего времени больше изучалась экономическая составляющая темы, сам процесс выполнения госзаказов кустарями.

Куда слабее изучена политико-административная деятельность советского государства по мобилизации кустарей для работы на военные нужды и закладыванию основ для организованного (через кооперативы) включения кустарей в коммунистическое общество.

Некоторые публикации, освещавшие положение промысловой кооперации и отдельных кустарей, появились уже в годы нэпа. Среди них выделялась работа Ю. Ларина, в которой приводились материалы о деструктивных последствиях реализации госзаказов лжекооперативами [Ларин]. В течение следующих нескольких десятков лет эта тема практически не освещалась. Только в годы хрущевских реформ был опубликован труд П. И. Яковлева, посвященный истории развития промысловой кооперации. В нем автор, в частности, приводил примеры успешно выполненных заказов, которые во многом повлияли на победу Красной армии в Гражданской войне [Яковлев]. Позднее тему госзаказов кустарям затронула А. И. Бузлаева, которая отметила, что их наличие в 1920-е гг. положительно влияло на темпы кооперативного строительства [Бузлаева].

Особенности взаимодействия советской власти и промысловой кооперации в 1920–1937 гг. изучил А. А. Николаев. Публикация его монографии пришлась на период перестройки, а потому привлечение руководством страны кустарей к выполнению военных заказов в период Гражданской войны он рассматривал в негативном свете [Николаев, 1988]. В дальнейшем А. А. Николаев расширил свое исследование, проанализировав постепенное возрождение кустарного производства после кризиса рубежа 1910–1920-х гг. [Николаев, 2000]. Критику действий советской власти в отношении промысловой кооперации в годы Гражданской войны можно встретить также в монографии Л. Е. Файна [Файн, 1994]. В. В. Коновалов, продолжая эту тенденцию, выявил, что в военное время государство закупало продукцию у сибирских кустарей гораздо ниже ее реальной стоимости [Коновалов]. П. Г. Назаров, описывая взаимоотношения органов власти и промысловой кооперации, отметил, что именно необходимость выполнения госзаказов спасла последнюю от полного подчинения потребительской кооперации после принятия декрета от 27 января 1920 г. [Назаров].

В самом начале XXI в. была опубликована обобщающая монография Л. Е. Файна, в которой, в частности, был сформулирован тезис о том, что постоянные изменения в структуре органов управления негативно влияли на положение промысловой кооперации и, как следствие, на качество реализации кустарями правительственных заказов [Файн, 2002]. О. В. Ягов указал на то, что кустари, привлеченные к выполнению госзаказов в годы Гражданской войны, получали целый ряд льгот, однако насильственное кооперирование подрывало доверие мастеров к правительству [Ягов]. Интересна позиция по этому вопросу В. Г. Егорова, который отмечал, что советский курс на централизацию экономики и приоритетное развитие крупной промышленности на рубеже 1910–1920-х гг. был продолжением позднеимперской политики, а работа по госзаказам для мастеров была более благоприятна, чем конкуренция в рыночных условиях [Егоров]. Примеры привлечения кустарей к выполнению правительственных

заказов отражены в статьях Е. В. Бородулиной, О. Г. Вязовой, А. А. Панарина, А. М. Плехановой. Авторы на региональных примерах отмечали положительное влияние госзаказов на рост числа кооперативов [Бородулина, 2018а; 2018б; Вязова; Панарин; Плеханова].

Подытоживая оценку отечественных исследований кустарных промыслов «военно-коммунистической» эпохи, отметим, что в них явно не хватает конкретики, особенно по части специфики выполнения кустарями военных госзаказов. Для сбора и анализа такой конкретики наиболее подходящими объектами являются регионы, где была развита кустарно-промысловая деятельность и которые весь период Гражданской войны находились под контролем советской власти. Эти регионы и проживавшие в них мастера «по полной программе» испытали нагрузку «военного коммунизма». Историческая обстановка Гражданской войны предполагала нацеленность Советского государства на мобилизацию всех доступных ему в то время ресурсов и вместе с тем — неготовность хозяйственных органов тогдашнего молодого государства к четко организованной работе. С другой стороны, необходимо иметь в виду желание кустарей того времени браться за любые заказы ради выживания. Тамбовская губерния была одной из самых типичных в этом отношении. Вместе с тем, мы полагаем, что деятельность тамбовских кустарей и местных хозяйственных структур можно считать характерной для многих регионов Советской России.

Декретом от 17 февраля 1918 г. заведование вопросами кооперативного строительства было возложено на кооперативный отдел ВСНХ [Собрание узаконений..., 1942, с. 347]. Параллельно с ВСНХ функционировал НКЗ, продолжая дореволюционную традицию, когда деятельность кустарей и промысловых артелей курировало Министерство земледелия. В первый год существования советской власти выяснилось, что ее местные органы не могли четко выполнять указания из центра. Об этом свидетельствовали замечания, которые в конце 1918 г. сделал ВСНХ своим регистрационным отделам. В них указывалось, что отчетность по количеству зарегистрированных производственных кооперативов не соответствовала числу направленных в центр уставов. В текстах присланных уставов было найдено множество грубых ошибок [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 330, л. 5, 61]. На уровне уездов встречались случаи, когда местным советам народного хозяйства (совнархозам) не хватало квалификации для организации кооперативного отдела. В частности, в исполкоме Кирсановского уезда 8 февраля 1919 г. (через год после принятия соответствующего декрета) все еще обсуждалась проблема отсутствия этого отдела [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 18, л. 18].

С течением времени противоречия в работе государственных органов усиливались. Это было связано с тем, что крупная промышленность в годы Гражданской войны находилась в глубоком кризисе, и большинство потребностей могли удовлетворить только кустари, а кооперативные отделы разных уровней уделяли больше внимания работе с потребительской и сельскохозяйственной кооперацией.

Организационная неразбериха проявлялась в том, что разные отделы местных исполкомов и совнархозов, не имея на то должных полномочий, часто занимались регистрацией промысловых кооперативов с целью дальнейшего их привлечения для выполнения собственных заказов [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 719, л. 63–63 об., 68 об.; д. 758, л. 43, 87; д. 785, л. 11–11 об.]. В результате часть кооперативов имела несколько зарегистрированных уставов. В иных случаях для выполнения госзаказов привлекались нигде не учтенные кооперативы. Поскольку продавать свою продукцию на рынок в сложившихся условиях было крайне трудно, мастера были готовы братья за любую работу, предложенную властями. В сложившихся обстоятельствах артели собирались для выполнения определенного заказа, после чего расформировывались и уже в новом составе выполняли следующий заказ [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1529, л. 51]. Эта тенденция мешала статистическому учету числа действовавших промысловых кооперативов и выявлению реальных объемов производимой ими продукции. Иногда борьба разных государственных органов за внимание промысловых кооперативов вела даже к искусственному завышению цен на их продукцию [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 785, л. 14 об.].

Указанные организационно-хозяйственные явления отразили изначальное противоречие советского общества между реальными экономическими потребностями (в данном случае в производстве продукции для нужд государства) и идеологическими мечтаниями (в данном случае о кооперативах кустарей как ячейках коммунизма).

В условиях нечеткой деятельности кустарных кооперативов нельзя было достоверно определить объемы произведенных изделий, проконтролировать условия, в которых приходилось работать кустарям, чем активно пользовались местные органы управления даже при выполнении ответственных военных заказов. Так, в Шацком уезде в подавляющем большинстве случаев с кустарями работал отдел военных заготовок (воензаг), который заказывал продукцию по заметно заниженным ценам. Причем остальным отделам, включая кооперативный, опасаясь возможной конкуренции и, как следствие, повышения цен, воензаг не позволял выдавать заказы кустарям [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1529, л. 51].

К середине 1919 г. Гражданская война в России достигла своего апогея, и в условиях упадка крупной промышленности советская власть все больше стремилась придать деятельности промысловых кооперативов организованную форму. 21 июля 1919 г. ВСНХ принял положение, изменявшее структуру органов управления, заведовавших существовавшими в стране кооперативами [Собрание узаконений..., 1943а, с. 511]. Промысловая кооперация была выведена из юрисдикции кооперативного отдела и передана в учрежденное при ВСНХ управление по делам кооперации, кустарной и мелкой промышленности. На губернском и уездном уровне были созданы соответствующие отделы, которые в большинстве документов именовались кустарно-кооперативными. Одной из ключевых задач нового органа власти было координирование госзаказов для кустарей.

Кустарно-кооперативный отдел при Тамбовском губернском совете народного хозяйства (ГСНХ) начал свою работу в сентябре 1919 г. Но малый штат сотрудников не мог быстро сконцентрировать под своим началом все госзаказы, предназначавшиеся для местных кустарей, а потому на первых этапах большее внимание было уделено изучению состояния кустарных промыслов [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 785, л. 10 об., 11 об.]. Для выработки стратегии дальнейшей работы, согласования цен на кустарную продукцию и защиты прав мастеров руководство кустарно-кооперативного отдела просило все иные отделы предоставлять копии заказов и договоров [Там же, л. 14 об.].

Обследование положения кустарей выявило целый ряд проблем, тормозивших дальнейшее развитие промысловой деятельности и ведших к срыву госзаказов. В первую очередь инструкторы кустарно-кооперативного отдела отметили острую нехватку сырья. Зачастую местные органы власти, обращаясь к мастерам с заказами, были не в состоянии предоставить необходимое для работы сырье. Проблема эта была связана не с отсутствием в губернии природных ресурсов как таковых, а с неорганизованностью в работе органов снабжения [Там же, л. 14].

Несогласованность работы государственных органов не позволяла контролировать объемы денежных средств, выделяемых кустарям для производства по заказам, а также количество выработанных в конечном итоге изделий. Нередкими были случаи срывов госзаказов из-за нехватки финансирования.

Именно поэтому кустарно-кооперативный отдел принял решение о создании производственного союза губернского уровня с центром в Тамбове, который бы объединял все действовавшие промысловые кооперативы и через который должны были в дальнейшем распределяться заказы. Основой для такого союза должно было служить Сельское бюро, являвшееся союзом кредитной кооперации [Там же, л. 15 об.]. В течение первой половины 1920 г. после некоторых первоначальных промедлений объединенные в этот союз кустари смогли изготовить 8 214 пар валенок для нужд текстильной промышленности ГСНХ и 45 000 штук овчин — для губернской меховой секции [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1042, л. 108].

К концу 1919 г. стало очевидно, что подавляющее большинство зарегистрированных в губернии артелей работало на нужды армии. Особенно был востребован труд сапожников. На территории Тамбовщины числились 23 зарегистрированные артели сапожников, объединившие 2 172 мастера. Все они выполняли заказы, исходившие от губвоензага [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 785, л. 14].

Военное ведомство явно завывало свои требования по отношению к кустарям. Об этом свидетельствует доклад губвоензага отделу снабжения губернского военного комиссариата (губвоенкома). Утверждалось, что губвоенком предоставлял председателю Реввоенсовета Л. Д. Троцкому чрезмерно оптимистические сведения о производственных возможностях местных сапожников. На деле этот промысел находился в глубоком кризисе. Во-первых, отсутствовала связь центра с усманскими и липецкими мастерами. Во-вторых, рейд белых отрядов К. К. Мамонтова привел к разгрому некоторых артелей и расхищению запасов сырья. В-третьих, кустари в летнее и осеннее время были вынуждены

отлучаться на полевые работы. Для повышения производительности кустарей и хоть какого-то соответствия заявленным сведениям губвоензаг предлагал выделить из запасов Южного фронта сырье, наладить транспорт для поставок в Тамбов фурнитуры, а также увеличить запасы керосина [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1403, л. 29].

Сложившаяся в губернии система реализации госзаказов просуществовала недолго. 27 января 1920 г. и 19 апреля 1920 г. были приняты нормативно-правовые акты, согласно которым все виды кооперации, включая промысловую, попадали в подчинение к потребительской [Собрание узаконений..., 19436, с. 35–36, 209–210]. Учитывая эти распоряжения, губернские власти приняли решение об интеграции сельского бюро, включая входившие в него промысловые кооперативы, в состав потребительского союза кооперативов Тамбовского края [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 785, л. 83].

В это же время губернский кустарно-кооперативный отдел постепенно усиливал свое влияние на кустарей. Стали учреждаться уездные отделы и вместе с тем росло число инструкторов, работавших с сельскими мастерами на местах. Главное внимание кустарно-кооперативного отдела было направлено на концентрацию всех госзаказов под своим началом. Окончательно этот вопрос был урегулирован на заседании Президиума ГСНХ 5 апреля 1920 г., когда было принято постановление, обязывавшее все местные органы управления передать в ведение отдела заключенные к этому моменту с промысловыми артелями договоры. В дальнейшем вся работа с артелями должна была вестись только через посредничество этого отдела [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 717, л. 63–63 об.].

Несмотря на то, что советская власть рассматривала кооперацию как главную форму существования сельских промыслов, губернский кустарно-кооперативный отдел ради выполнения госзаказов работал и с независимыми мастерами [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 746, л. 72]. Во многом подобные действия отдела были связаны с низкими результатами привлечения промысловых кооперативов для выполнения госзаказов. Подробно этот вопрос был рассмотрен 8 мая 1920 г. на совещании представителей уездных кустарно-кооперативных отделов. Согласно докладом с мест, уездным отделам удалось наладить в должной мере производство только деревянных кустарных изделий. Большинство из них — телеги, сани, колеса, дуги, ободья, оси, оглобли, полозья — шло на удовлетворение военных нужд. При этом повсеместно наблюдалась нехватка финансирования, а также перебои в снабжении сырьем и пайками [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1529, л. 49–52].

20 мая 1920 г. советское правительство приняло постановление, полностью изменившее систему государственного управления промысловой кооперации. Были ликвидированы управление по делам кооперации кустарной и мелкой промышленности ВСНХ и отдел кустарной промышленности НКЗ, а также их местные отделы. Заведование вопросами кустарной промышленности было возложено на Главное управление по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации (Главкустпром) и местные отделы [Собрание узаконений..., 19436, с. 325–328].

В Тамбовской губернии 24 июля 1920 г. под председательством А. Д. Сабурова прошло первое заседание коллегии, возглавлявшей губернское управление кустарной промышленности (губкустпром) [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1042, л. 109]. С появлением этой организации сложился новый порядок реализации госзаказов. Все поступающие от центральных и местных учреждений и организаций заявки на производство каких-либо изделий президиум ГСНХ в первую очередь предоставлял производственным отделам, которые по мере возможности распределяли работу между находившимися в их ведении предприятиями. Оставшиеся нераспределенными заявки передавались в губкустпром и исполнялись промысловыми кооперативами. Причем отдел не располагал данными о том, для каких именно учреждений и организаций производилась продукция. Сложившиеся порядки не удовлетворяли интересы Главкустпрома, который предполагал, что все предоставляемые им губернии заказы будут реализовываться исключительно через губкустпром. На деле же последний получал заказы по остаточному принципу. На все замечания руководства о неправильном порядке работы губкустпром отвечал, что образовавшиеся проблемы были вызваны несогласованностью деятельности Главкустпрома с прочими органами управления в области распределения заказов и приема готовой продукции [Там же, л. 108].

Постепенно конфликты между центром и губернией были решены. Губкустпром начал проводить жесткую политику по милитаризации промысловых кооперативов. 25 августа 1920 г. было принято постановление о выделении ударных артелей по каждому роду кустарного производства. В этих артелях должна была быть введена военная дисциплина, предполагавшая предание суду тех, кто не справлялся с нормами выработки изделий. При этом все трудившиеся в подобных условиях мастера должны были быть освобождены от привлечения к отбыванию каких-либо натуральных повинностей [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 785, л. 193].

Наибольшее внимание уделялось производству сапог, валяной обуви, лаптей, носков и перчаток, предназначенных для нужд армии. В начале сентября 1920 г. губкустпром приказал губернскому союзу (губсоюз), который к этому моменту объединил под началом потребительской кооперации все иные виды кооперации, усилить производство этих изделий, предоставляя 1-го, 10-го и 20-го числа каждого месяца отчет о проделанной работе [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1042, л. 131].

Особенно остро Красной армии не хватало обуви. Сапожники не могли удовлетворить огромные потребности государства, обусловленные военным временем. Советским правительством было принято решение организовать массовое производство лаптей для солдат. Посредником для решения этого вопроса стал новый специально организованный орган власти — Чрезвычайная комиссия по заготовке валенок и лаптей (Чеквалап).

Сохранились документы, свидетельствующие о том, что еще в мае 1920 г. тамбовские кустари были привлечены для выполнения государственного задания по изготовлению 450 000 пар лаптей. Однако губернскому кустарно-кооперативному отделу реализовать этот заказ в должной мере не удалось [ГАТО,

ф. Р-727, оп. 1, д. 1042, л. 74]. В течение лета 1920 г. контроль над деятельностью лапотников постепенно переходил к губернскому Чеквалапу, который, однако, поддерживал тесный контакт с ГСНХ и его кустарно-кооперативным отделом. Последний указывал на необходимость введения государственной монополии на лыко и организации доставки лыка к месту работы. Кроме того, важно было поощрить мастеров денежным премированием. Скорее всего, схожие рекомендации по работе с кустарями давали отделы и в других губерниях, поскольку в дальнейшем они будут учтены центром.

Ключевые изменения в порядке изготовления обуви для армии были утверждены приказом чрезвычайного уполномоченного Совета рабочей и крестьянской обороны по снабжению Красной армии и флота (Чусоснабарм) от 11 сентября 1920 г. Согласно этому приказу к 1 марта 1921 г. сельские мастера должны были изготовить 18 000 000 пар лаптей. Во избежание излишней несогласованности в деятельности различных ведомств Главкустпрому и его местным отделам было предоставлено исключительное право на привлечение лапотников к выполнению заказов. На Главный комитет лесной промышленности (Главлеском) и его местные отделы было возложено обязательство по первому же требованию отпустить необходимые для производства лаптей запасы лыка. За отказ выполнять подобные требования сотрудники лесного комитета могли быть привлечены к ответственности по законам военного времени. Сбором готовых лаптей должны были заниматься местные отделы Чеквалапа.

Максимальное денежное премирование, которое можно было получить за одну готовую пару лаптей, составляло 250 руб. Кустарям, которые в течение месяца могли произвести более 60 пар лаптей, было гарантировано освобождение от всех трудовых повинностей. Если же мастеру удавалось изготовить более 100 пар за месяц, то государство в качестве вознаграждения предоставляло ему 4,5 кг соли, 0,9 кг керосина и 0,7 м ткани [Там же, л. 148].

Отдельно отметим, что деятельность, направленная на удовлетворение потребностей Красной армии в обмундировании, способствовала взлету Рассказовского промыслового кооперативного товарищества кустарей-вязальщиков, численность которого к концу 1920 г. достигла 3 500 мастериц. Стремительное расширение кооператива напрямую было связано с тем, что Главкустпром, реагируя на военные запросы, предоставлял кустарям многочисленные заказы, а также все необходимое для работы сырье и финансирование. Например, 30 ноября 1920 г. был сделан заказ на выполнение 1 500 000 пар носков и перчаток, сроком на один год. Постоянная работа на государственные нужды позволила руководству кооператива провести электрификацию чесальной мастерской [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1610, л. 69–69 об.]. Кроме того, особая востребованность кооператива спасла его от поглощения со стороны потребительской кооперации [Там же, л. 7].

К 1 февраля 1921 г. стало очевидно, что успехи по объединению сельских мастеров были достигнуты только в тех сферах производства, которые напрямую были связаны с выполнением военных заказов. В состав промысловой секции губсоюза в это время входило 6 077 трикотажников, 3 951 лапотник,

3 006 овчинников, 4 892 кустаря-деревообделочника. По остальным видам промыслов дела обстояли хуже. Промысловая секция губсоюза указывала на то, что для привлечения новых членов губкустпрому необходимо было в полном объеме нагружать заказами уже действующие кооперативы, снабжая их всем необходимым для работы сырьем и предоставляя достойное финансирование [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1610, л. 133–134].

В это же время в системе управления кустарной промышленностью назрел кризис, причину которого председатель комиссии губкустпрома Б. В. Шмельков объяснял неукомплектованностью штата работников. По закону губкустпромом должна была управлять комиссия из представителей ГСНХ, губернского земельного отдела (ГЗО) и промысловой секции губсоюза, а фактически работал только он один, больной астмой и туберкулезом. Пустовали должности заведующих организационно-инструкторским, статистико-учетным, финансово-счетным отделами, секретаря, бухгалтеров и т. д. И в этих условиях работники губкустпрома практически не контролировали потоки предназначенных для сельских мастеров госзаказов [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2085, л. 32].

Вопрос о положении кустарей в период Тамбовского крестьянского восстания 1920–1921 гг. приобрел политическое звучание. Еще в июле 1920 г. озабоченность судьбой кустарей, особенно распадом первых кустарных артелей, выразила партия эсеров [«Антоновщина», с. 142]. Явным недоверием к политике советской власти в отношении кустарей была проникнута программа повстанческого Союза трудового крестьянства, провозгласившая «свободное производство кустарной промышленности» [Там же, с. 224]. Большевиков и советскую власть «кустарный вопрос» в политическом плане особенно взволновал на этапе завершения подавления Тамбовского восстания, что отразилось в документах всероссийского уровня. Так, на заседании Полномочной комиссии ВЦИК по ликвидации бандитизма в Тамбовской губернии 19 марта 1921 г. специально поднимался вопрос о сырьевой помощи кустарным промыслам [Там же]. Равным образом и в известном докладе главы полномочной комиссии В. А. Антонова-Овсеенко в ЦК РКП(б) о положении дел в Тамбовской губернии и борьбе с повстанческим движением в июле 1921 г. в качестве политической ставилась задача поднятия кустарных промыслов [Там же, с. 503].

Сам ход восстания и его подавление оказали заметное негативное влияние на реализацию госзаказов. Информация о том, как бандиты отбирали у артелей сырье (шерсть) и готовую продукцию (полушубки, валеные сапоги, сани), разрушали мастерские, угрожали физической расправой кустарям, работавшим на советскую власть, сохранилась в докладе промысловой секции губсоюза в президиум ГСНХ. В докладе также сообщалось, что некоторую дезорганизацию в работу артелей вносила также радикальность действий, предпринятых советской властью для борьбы с восставшими. Так, в Пахотно-Угловской и Казыванской волостях Тамбовского уезда отрядом Красной армии по подозрению в связях с восставшими были арестованы 18 вальщиков, которые занимались выполнением заказов на военные нужды [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2085, л. 33].

Крестьянское восстание на Тамбовщине стало одним из ключевых явлений, побудивших советскую власть смягчить политику в отношении крестьянства и перейти к нэпу. Коренные изменения в экономической сфере затронули и кустарную промышленность. 17 мая 1921 г. было принято два декрета, регулировавших положение сельских товаропроизводителей. В одном из них указывалось на необходимость поддержки, в том числе и через снабжение госзаказами, как самостоятельных кустарей, так и тех, которые объединены в кооперативы. При этом привилегия при предоставлении заказов должна была оставаться за последней категорией [Собрание узаконений..., 1944, с. 463–464]. Другой декрет выводил промысловую кооперацию из подчинения потребительской [Там же, с. 475–476].

Повинуясь указаниям центра, к июню 1921 г. губернские власти вывели промысловую секцию из состава губсоюза в самостоятельный губернский союз кустарно-промысловой кооперации (губкустпромсоюз) [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2085, л. 65]. Изменились функции губкустпрома, который до этого момента лишь служил проводником при передаче заявок на заказы от центральных и местных учреждений и организаций в промысловую секцию губсоюза и сдаче мастерами готовой продукции. В новых условиях губкустпром работал напрямую с губкустпромсоюзом, а также должен был наладить через сеть уездных отделов по делам кустарной и мелкой промышленности (укустпромов) контакт с кустарями-частниками и с теми артелями, которые не входили в состав союза. На губкустпром возлагалась ответственность за своевременное предоставление кустарям всех необходимых материалов, для чего был создан специальный отдел снабжения. Кроме того, губкустпром продолжал работу по учету всех заказов, предоставлявшихся кустарям.

24 сентября 1921 г. губкустпром заключил с кустпромсоюзом договор на производство до 1 января 1922 г. следующих видов продукции: 50 000 пар валенок, 1 179 680 пар лаптей, 10 000 тары, 194 941 овчины, 18 300 полушубков, 1 600 000 кирпичей, 8 000 телег, 6 000 саней и 374 000 мелких деревянных изделий [Там же, л. 117]. При этом Б. В. Шмельков высказал опасения о возможной монополизации производства. В годы военного коммунизма промысловый союз находился в подчинении потребительского губсоюза, а работа кустарей фактически была превращена в труд рабочих с четким определением времени начала и конца рабочего дня, а также фиксацией нормы выработки изделий [Отчет Президиума..., с. 14]. В новых же условиях губкустпромсоюз работал на автономных началах, фактически никому не подчиняясь. Более того, в губернии больше не существовало крупных объединений сельских мастеров, которые могли бы составить ему конкуренцию в конкурсе на получение государственных подрядов [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2085, л. 115]. Однако монополизация кустарного производства оказалась не главной проблемой, тормозившей реализацию госзаказов. За период с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г. из-за перебоев в снабжении и быстрого падения курса советского рубля были сорваны договоры, заключенные губкустпромсоюзом с Всероссийским кооперативным лесным союзом,

губернским продовольственным комитетом и губернской военно-инженерной дистанцией [Краткий обзор..., с. 461].

Подводя итоги, следует сказать, что на первых этапах существования советской власти многочисленные отделы местных исполкомов и совнархозов бесконтрольно привлекали кустарей для выполнения собственных заказов. Попытки урегулировать процедуру реализации госзаказов кустарями путем создания новых специальных органов управления на деле вели к еще большей дезорганизации всей системы, поскольку не хватало ни квалифицированного персонала, ни должного финансирования. Как следствие, руководство страны для решения военных задач прибегло к мобилизационной политике в отношении кустарей. При этом власти забывали о том, что кустари не могли быть энтузиастами выполнения госзаказа, поскольку вели свое производство ради скудных заработков и выживания в суровых военно-революционных условиях.

Источники

«Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. Документы, материалы, воспоминания» / сост. В. П. Данилов, Г. А. Абрамова, В. Л. Дьячков [и др.]. Тамбов : Управление культуры и архивного дела Тамбовской области, 2007.

ГАТО — Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 18, 330, 717, 719, 746, 758, 785, 1042, 1403, 1529, 1610, 2085, 2831.

Краткий обзор деятельности ГИК и его Президиума за 1921/22 отчетный год. [Б. м.], [б. г.].

Отчет Президиума Тамбовского ГСНХ к 4-му губернскому съезду совнархозов и 5-му губернскому съезду профсоюзов (За первое полугодие 1921 года). Тамбов : Гос. изд-во. Тамбовское отд-ние, 1921.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М. : [б. и.], 1942.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М. : [б. и.], 1943а.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М. : [б. и.], 1943б.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М. : [б. и.], 1944.

Исследования

Бородулина Е. В. Денационализация и аренда в мелкой промышленности Сибири при переходе от военного коммунизма к новой экономической политике (1921–1923 годы) // Научный диалог. 2018а. № 1. С. 137–157. <https://doi.org/10.24224/22271295-2018-1-137-157>

Бородулина Е. В. Первые шаги сибирского промкооперативного строительства в условиях перехода к новой экономической политике (1921–1923 годы) // Научный диалог. 2018б. № 3. С. 116–135. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-3-116-135>

Бузлаева А. И. Ленинский план кооперирования мелкой промышленности. М. : Наука, 1969.

Вязова О. Г. Кооперирование кустарных промыслов Чувашии в годы новой экономической политики // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 27–34.

Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2005.

Коновалов В. В. Мелкие промышленники Сибири и большевистская диктатура: Вопросы теории и практики военного коммунизма. Новосибирск : Наука, 1995.

- Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927.
- Назаров П. Г. История российской промышленной кооперации. 1799–1960. Челябинск : Изд-во ЧГТУ, 1995.
- Николаев А. А. Промысловая кооперация в Сибири 1920–1937 гг. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1988.
- Николаев А. А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 — середина 1930-х гг.). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000.
- Панарин А. А. Кустарно-промысловая кооперация Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4. С. 77–83. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.9>
- Плеханова А. М. Кустарная промышленность Бурят-Монголии в условиях реализации новой экономической политики // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 68–72.
- Файн Л. Е. Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново : Изд-во ИвГУ, 1994.
- Файн Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново : Изд-во ИвГУ, 2002.
- Ягов О. В. Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики. Самара ; Пенза : Изд-во Самарского науч. центра РАН ; ПГПУ, 2008.
- Яковлев П. И. Промысловая кооперация СССР за 40 лет. М. : КОИЗ, 1957.

References

- Borodulina, E. V. (2018a). Denatsionalizatsiia i arenda v melkoi promyshlennosti Sibiri pri perekhode ot voennogo kommunizma k novoi ekonomicheskoi politike (1921–1923 gody) [Denationalization and Rent in Small Industry of Siberia during Transition from War Communism to New Economic Policy (1921–1923)]. *Nauchnyi dialog*, 1, 137–157. <https://doi.org/10.24224/22271295-2018-1-137-157>
- Borodulina, E. V. (2018b). Pervye shagi sibirskogo promkooperativnogo stroitel'stva v usloviakh perekhoda k novoi ekonomicheskoi politike (1921–1923 gody) [The First Steps of the Siberian Industrial-Cooperative Construction in the Context of the Transition to a New Economic Policy (1921–1923)]. *Nauchnyi dialog*, 3, 116–135. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-3-116-135>
- Buzlaeva, A. I. (1969). *Leninskii plan kooperirovaniia melkoi promyshlennosti SSSR* [Lenin's Plan of Cooperation of Small-Scale Industry in the USSR]. Moscow: Nauka.
- Egorov, V. G. (2005). *Otechestvennaia kooperatsiia v melkom promyshlennom proizvodstve: stanovlenie, etapy razvitiia, ogosudarstvenenie (pervaia tret' XX veka)* [Domestic Cooperation in Small-Scale Industrial Production: Formation, Stages of Development, Nationalisation (First Third of the 20th Century)]. Kazan: Kazan University Press.
- Fain, L. E. (1994). *Otechestvennaia kooperatsiia: istoricheskii opyt* [Domestic Cooperation: Historical Experience]. Ivanovo: IvGU.
- Fain, L. E. (2002). *Rossiiskaia kooperatsiia: istoriko-teoreticheskii ocherk. 1861–1930* [Russian Cooperation: Historical and Theoretical Essay. 1861–1930]. Ivanovo: IvGU.
- Konovalov, V. V. (1995). *Melkie promyshlenniki Sibiri i bol'shevistskaia diktatura: voprosy teorii i praktiki voennogo kommunizma* [Small Industrialists of Siberia and Bolshevik Dictatorship: Issues of Theory and Practice of War Communism]. Novosibirsk: Nauka.
- Larin, Yu. (1927). *Chastnyi kapital v SSSR* [Private Capital in the USSR]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Nazarov, P. G. (1995). *Istoriia rossiiskoi promyslovoi kooperatsii 1799–1960* [History of Russian Industrial Cooperation. 1799–1960]. Chelyabinsk: ChGTU.

Nikolaev, A. A. (1988). *Promyslovaia kooperatsiia v Sibiri. 1920–1937 gg.* [Trade Cooperation in Siberia (1920–1937)]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie.

Nikolaev, A. A. (2000). *Melkaia promyshlennost' i kustarnye promysly Sibiri v sovetskoj kooperativnoi sisteme (1920 – seredina 1930-kh gg.)* [Small-scale and Handicraft Industries in Siberia in the Soviet Cooperative System (1920 – mid-1930s)]. Novosibirsk: SO RAN.

Panarin, A. A. (2021). Kustarno-promyslovaia kooperatsiia Severnogo Kavkaza v usloviakh novoi ekonomicheskoi politiki (1921–1929 gg.) [Handicraft Cooperation of the North Caucasus in the Context of a New Economic Policy (1921–1929)]. *Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia*, 4, 77–83. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.9>

Plekhanova, A. M. (2010). Kustarnaia promyshlennost' Buriat-Mongolii v usloviakh realizatsii novoi ekonomicheskoi politiki [Handicraft Industry of Buryat-Mongolia During the Period of the New Economic Policy]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 7, 68–72.

Vyazova, O. G. (2006). Kooperirovanie kustarnykh promyslov Chuvashii v gody novoi ekonomicheskoi politiki [Cooperation of Handicrafts in Chuvashia During the Years of the New Economic Policy]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 6, 27–34.

Yagov, O. V. (2008). *Kustarno-promyslovaia kooperatsiia Povolzh'ia v usloviakh realizatsii novoi ekonomicheskoi politiki* [Artisanal and Crafts Cooperation of the Volga Region in the Conditions of Implementation of the New Economic Policy]. Samara; Penza: Samarskii nauchnyi tsentr RAN; PGPU.

Yakovlev, P. I. (1957). *Promyslovaia kooperatsiia SSSR za 40 let* [Industrial Cooperation of the USSR over 40 Years]. Moscow: KOIZ.

Канищев Валерий Владимирович

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории и философии
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
392000, Тамбов,
ул. Интернациональная, 33
E-mail: valcan@mail.ru

Kanishchev, Valery Vladimirovich

Dr. Hab. (History), Professor
Department of History and Philosophy
Tambov State University
named after G. R. Derzhavin
33, Internatsionalnaya St., 392000 Tambov,
Russia
Email: valcan@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8372-4455>
Scopus AuthorID: 57190408126
WoS ResearcherID: ABH-4863-2020

Махрачев Георгий Сергеевич

кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры
истории и философии
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
392000, Тамбов,
ул. Интернациональная, 33
E-mail: mahrachova@mail.ru

Makhrachev, Georgiy Sergeevich

PhD (History), Senior Lecturer
Department of History and Philosophy
Tambov State University
named after G. R. Derzhavin
33, Internatsionalnaya St., 392000 Tambov,
Russia
Email: mahrachova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8279-243X>
Scopus AuthorID: 58164619600
WoS ResearcherID: IZE-0621-2023